

Морозов Юрий Николаевич

соискатель

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

г. Вологда, Вологодская область

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО НЕКЛАССИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ПОДХОДА

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ основных положений классического подхода и современных познавательных установок исторической эпистемологии. Выявляется специфика применения и методологические отличия основных категорий рассматриваемых концепций. На основе изучения актуальных работ отечественных специалистов в области гносеологии эксплицируются специфические компоненты современного исторического исследования, описывается их взаимосвязь и значение в установлении научной объективности. На базе проведенного исследования делается вывод о неклассическом характере исследовательских паттернов, составляющих основу современной исторической эпистемологии.

Ключевые слова: классический подход, наукоцентризм, фундаментализм, критицизм, субъектоцентризм, историческая эпистемология, квазинаучное знание, новая неклассическая платформа.

Осмысление современной эпистемологии как актуальной области философии, где главной функцией является «рефлексия над тем, что считается познанием и знанием» [3, с. 3], предусматривает введение в сферу гносеологического исследования целого ряда проблем, связанных с динамикой знания, его структурой, учетом аффилиационных параметров мотивации ученого, а также совокупных границ познания и ключевых оснований их реализации. Данное положение осуществляется через экспликацию контента научных теорий, где в процессе накопления академических данных соответствующие методологические приемы

их изучения перманентно трансформируются, т. е. «в ходе исторической эволюции онтологический базис теории меняется» [6, с. 49]. Вследствие этого каждое гносеологическое событие, исследовательская традиция, любая научная сфера историчны, каузально предопределены общественными, традиционными, конъюнктурными и прочими детерминантами конкретного исторического отрезка. Исследование названных условий (детерминаций) и интеграция их с актуальной научной действительностью является главным вопросом современной исторической эпистемологии, представляющей, по мнению И.Т. Касавина, «особый философский дискурс, который конструирует и использует историческое знание для вписывания в культуру некоторой новой исторической реальности, возникающей на стыке науки и общества» [2, с. 7]. Анализируемая в указанной перспективе эпистемологическая программа является примером актуальной неклассической исследовательской платформы, сформированной на базе экспертизы основополагающих научных положений и современных задач исследовательской работы через воспроизведение академических практик с опорой на их историческую трансформацию.

Рассматривая первоначальный базис становления эпистемологических основ познания, В.А. Лекторский, анализирующий их классический этап [4, с. 9–14], фиксирует характерные для них отличительные качества, такие как: *научоцентризм*, построенный на основных позициях и канонах науки Нового времени (классического подхода), санкционирующий легитимацию новых научных практик сообразно наличным классическими стандартами. Как следствие, значительная область классических теоретико-познавательных моделей строилась на положении, что только научные шаблоны, эксплицируемые в форме физико-математических законов, являются совершенным эталоном знания, а соответствующий научный образ реальности выступает безвариантной основой миропонимания; критицизм, предполагающий критику устоявшихся, традиционных понятий в отношении обоснования вновь приобретенного знания; *субъектоцентризм*, аргументирующий неотъемлемость субъективного фактора, как неотчуждаемого основания для организации познавательной системы (установка «абсолютного

наблюдателя»); *нормативизм* и *фундаментализм*, обосновывающие положение о том, что получаемое знание должно опираться на ранее сформированные жесткие нормы и безальтернативный гносеологический фундамент.

На современном этапе, исследуя хронологическую градацию познания, актуальная историческая эпистемология отвергает ключевые положения традиционной эпистемологии (наукоцентризм). Ввиду этого актуальный исторический анализ предполагает элиминацию жестких стандартов традиционного формализма в эвристической составляющей академического анализа с одновременной коррекцией (но не отторжением) методологических и функциональных оснований классической науки (логичность, объективность, последовательность, единство теоретических и эмпирических практик, точность). Названная познавательная модель воплощается как взаимодействие классического и неклассического научных подходов, обнаруживая альтернативные и квазинаучные элементы знания, такие как повседневный опыт, экспрессивно-образные формы, интуитивные экспликации и др., санкционирующие общую синтетическую методологию, где «граница между научным и ненаучным познанием в очередной раз становится нестабильной, а пересечение двух смыслов исторической эпистемологии очевидным» [7, с. 19]. Непосредственно в историческом познании названный подход особенно актуален, так как исторические факты представляют собой феномены, которые по своей сути неповторимы (уникальны) и семантически многозначны. В связи с этим, отход от классического наукоцентризма в историческом познании характеризуется использованием комплексных методик для разработки вопросов хронологической действительности, реализуя эпистемологическое множество разнообразных познавательных порядков, их общее изучение и конкуренцию, в выработке новых принципов объективности.

Новый неклассический подход в исторической эпистемологии опровергает односторонние положения классического *критицизма*, в котором научное исследование формировалось на критике предыдущих познавательных установок, как правило, с их абсолютным исключением из нового гносеологического контента

и элиминацией обратных связей с предшествующей теоретической основой. Текущие исторические исследования создаются на парадигме определения и методологической аргументации релевантности научных алгоритмов прошлого, выявления их эвристического ресурса, дальнейшей конвергенции минувших и современных научных программ, экстраполяцию познавательных схем прошлого в действующие процессы научного поиска, т.е. осуществление выбора (а не исключения) бывших познавательных конструкций, в рамках стандартов, через которые реализуется «критико-рефлексивная оценка и соответствующая коррекция познавательной практики» [1, с. 27].

Характеризуя современное гносеологическое значение индивида (субъектоцентризм) в исторической эпистемологии, И.Т. Касавин отмечает, что актер исторического действия утрачивает субъективные и познавательные свойства, «субъект оказывается теоретической фикцией, пустым понятием» [2, с. 16], т.е. участник исторического процесса не может быть самостоятельной, унифицирующей познание персоной, он функционирует как объект коммуникативной флуктуации выступающей следствием взаимодействия с другими элементами научного сообщества. Главной целью исследования в данных условиях является изучение ретроспективных данных и установление соответствующей им ментальной специфики (интенций) интерсубъективной коммуникации исторических субъектов, представленных в нарративе (хроникальных материалах).

Современная историческая методология отходит от доктрины классического *фундаментализма*, что проявляется в нестабильности эпистемологических и онтологических критериев, отступление от статичных и фиксированных стандартов в реализации научной деятельности. Характеризуя мобильную онтологию хронологического генезиса, И.Т. Касавин акцентирует внимание на историческом событии, как объекте, формируемом историко-научным исследованием. Он отмечает, что указанный феномен (событие) несколько больше, чем свершившийся темпоральный прецедент, отмечаемый как произвольный фиксированный факт, это «начало причинно-следственной цепи, исток всех последующих, вторичных событий в данной области. Оно исторично не потому, что эмерджентно

и изменчиво во времени, но потому, что выступает априорным условием истории, делает историю» [2, с. 10]. Без этого изначального акта весь последующий хронологический континуум не имел бы каузального значения, а являл бы собой совокупность исторических сегментов, фиксируемых в пространственно-временном поле. Обозначенная эпистемологическая установка в историческом исследовании по сути тождественна феноменологической (неклассической) трактовке события, «событие не есть то, что просто случается в жизненном мире или человеческой истории... ему присуща неповторимость и невозпроизводимость в регулярном порядке вещей, поскольку оно выделено как начало, которое присваивает этому порядку некоторую определенность» [5, с. 19]. Эта системная теория, с точки зрения В.Н. Поруса, несмотря на феноменологическую форму, посредством которой она эксплицирована, «работает как принцип исторической методологии» [6, с. 50]. В итоге, действующее историческое познание отрицает жесткие, позитивистски организованные классические правила, основываясь на сингулярных парадоксах исторического развития, которые выражают нестандартные, исключительные качества, не свойственные изолированным компонентам этого процесса, а проявляющиеся исключительно через их взаимодействие и объединение в общую структуру. Современная неклассическая историческая эпистемология пересматривает традиционные научные подходы, саму онтологическую основу знания, включая его квазинаучные, содержательно абстрактные, эмоционально фундированные, т. е. классически нестандартные компоненты, которые позволяют расширить исследовательский контекст и познавательный горизонт анализа, при этом основной ракурс научных изысканий сосредоточен на историческом генезисе познавательной деятельности и взаимовлиянии сопутствующих исторических обстоятельств в создании познавательных прецедентов.

Список литературы

1. Быданов В.Е. Неклассическая эпистемология и теоретико-познавательные парадигмы XX века / В.Е. Быданов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2001. – №2. – С. 24–28.

2. Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. №2. – С. 6–20. DOI 10.5840/eps202057216. EDN IGJLNF

3. Лекторский В.А. Эпистемология вчера и сегодня / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Ифран, 2010. – 188 с. EDN RYRYJN

4. Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии / В.А. Лекторский // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Ифран, 2009. – 237 с.

5. Орлов Д.У. Событие и телеология истории / Д.У. Орлов // Мысль. Журнал Санкт-Петербургского философского общества. – 2012. – №12. – С. 19–26.

6. Порус В.Н. Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания / В.Н. Порус // Вопросы философии. – 2021. – №5. – С. 47–57. DOI 10.21146/0042-8744-2021-5-47-57. EDN MGERPX

7. Шиповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически / Л.В. Шиповалова // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. №1. – С. 18–28. DOI 10.5840/eps20175112. EDN YQYRPX